

День за днем

Время кукол

Рубрику ведет
Евгения РУБЦОВА**Ольга
ПЕГАНОВА.
40 лет.
Живет
в Саратове.
Художница**

Ей говорят, что только о ней и слышно, что она скупала все телеканалы, что у нее выставка за выставкой, и все это, дескать, неспроста. Полная ерунда. Хотя про выставки — правда. Персональных было семнадцать, на двенадцати... ничего не купили. «Это совершенно точно, — соглашается Ольга, — сначала работаешь на имя, потом оно на тебя». Сейчас, наверное, как раз такой момент, но опасность любого творчества в том и заключается, что нельзя остановиться, надо постоянно доказывать свою состоятельность. В эти дни у Пегановой выставка графики в самом престижном городском музее — Радищевском. Эти залы знали всю российскую художественную элиту: едва ли не единственное в городе место, где считает обязанностью побывать любой приезжий писатель, артист и даже иной политик, не говоря уж о художниках. Пеганову там выставляют впервые, и кому как не ей знать, насколько это трудно. А неподалеку, в Доме-музее саратовца Федина, ее же выставка кукол. Кроме того, она иллюстрирует газету, чтобы иметь какой-то минимальный заработок, иногда берет частные заказы — словом, вдохновение приходится совмещать с ремеслом, которое, впрочем, тоже бывает разным. Она берет не количеством сделанного, а качеством, которое иначе называется талантом.

301

Ольга стоит особняком в местном художественном сообществе. Думаю, это следствие характера. Присмотрись — налет печали на всем, что принадлежит ее кисти и ее рукам. Она соглашается, грусть и в самом деле присутствует, иначе и быть не могло — рано осталась без родителей, не сложилось с мужем. Выучилась на архитектора, устроилась в проектный институт — грянули известные события, и она ушла в свободное творчество. Легко сказать — ушла, а куда уйдешь от быта, заботы о дочери, обыденной работы? Теперь, на некоем промежуточном жизненном рубеже, она не боится сказать, что завоевала свое место под солнцем, сохранив главное — творческую независимость. Художественного училища или института не кончала, в Союз не вступала, может, поэтому с некоторой ревностью относится к ней коллеги, но она-то убеждена, что не статус главное, не звания и не титулы, а нечто другое. «У одного побрякушки, — говорит Ольга, — у другого имя. Возникают, как выскочки. Отсюда и зависть, и сплетни: у нее, мол, спонсоры в очереди стоят. Смешно... Говорю им: ребята, да вы давайте повод, тогда и к вам придут, про вас напишут. Если ничего не делаешь, кому ты интересен?»

Ольге, и она этого нисколько не скрывает, очень тяжело «по жизни». Никог-

Текст Сергея КАЗОВСКОГО, фото Юрия НАБАТОВА

ЛЮДИ

да не могла кому-то излить душу, поплакать в жилетку, зато долго разбиралась, как выражается, в собственных психологических ребусах — они, собственно, и вылепливались на бумагу. Открыто признается: «У меня сложные отношения и с мужчинами, и с женщинами. Я человек крайностей: любить так любить, заниматься искусством — так по-настоящему, без вранья и фальши». Вот, наверное, истоки ее характера — не льстить, не служить сильным мира сего, не продаваться за высокое покровительство. Больше того, она для них, высоко сидящих, по ее же словам — абсолютно чуждый элемент. «Они всегда предпочтут моим работам теток со снопами, и когда некоторые советуют «поумерить гордыню», я отвечаю: нет уж, увольте, это надо было с самого начала, а теперь остается одно — идти своей дорогой. Ломать себя — ни за что. Я вообще не-

угодливый человек, ничего и ни у кого не могу просить. Все равно не дадут, да еще десять раз унижат. Сегодняшняя жизнь уж так топчет нас каждый божий день, так перемалывает, что сознательно идти на унижения — это уж слишком».

На выставке кукол ей задают один и тот же вопрос: почему среди них нет красивых? Она отвечает: «кукольная» красота — не предмет искусства. Здесь она реалистка: «Присмотритесь к толпе, оглянитесь в общественном транспорте: кругом обычные лица, вовсе не красивые в нашем привычном понимании. Художник не должен ничего придумывать, он должен лишь внимательно всматриваться в окружающий мир. Для меня важна не красота, а гармония. К тому же именно индивидуальность — это как раз то, чего нам остро не хватает». Ольга убеждена в том, что если искусство призвано отражать жизнь, то надо иметь в виду:

сейчас время масок, кукол. Проследите за типичной для многих трансформацией. Сначала человек живет естественным образом, потом начинает играть некую роль, становится носителем своей маски, приобретает имидж, а с ним и рейтинг. Конечно, это касается в основном людей публичных. В итоге возникает внутренний конфликт: маска подчиняет себе человека, он становится не столько самим собой, сколько куклой, носящей определенные функции. Искусство и политика дают немало тому примеров...

Поэтому ко многому, что нас окружает, надо относиться с улыбкой, не принимать всерьез. Ольга советует жить в своей системе координат, в автономном существовании. Творчество позволяет достичь этого состояния, это тот заповедник, где человек может оставаться самим собой. Когда спрашивают, чего бы ей хотелось добиться, она не поднимается

в заоблачные выси — отвечает, что хотелось бы заниматься только тем, чем хочется, на фоне финансовой независимости. Чтобы не думать о хлебе насущном. При этом она человек долга: есть дочь, которую надо поставить на ноги, и многое, если не все, подчинено этому. Согласно с Гладским: «У нас нет комплекса неполноценности, у нас всегда был комплекс неопределенности». Единственный выход — выработать иммунитет. Если тебе где-то дадут понять, что ты никто, надо никогда больше не ходить туда. В конце концов творчество — не хлеб и не одежда, многие обходятся... Это все-таки роскошь, и только так надо подходить к нему и ценить себя в нем. С возрастом ушел максимализм, она стала терпимее ко всему, мудрее. «Все наши печали от наших желаний, — напоминает она, — но от всего отказаться невозможно, надо только различать, кто перед тобой — человек или кукла».